

МІНІСТЕРСТВО

ЗВ'ЯЗКУ УРСР

ТЕЛЕГРАМА

Вадим Кудрявцев

Телеграмма

ІВ САМІЛОВИЧУ НАЛКО ВІТАЕМО
ОІ ЛІТЕРАТУРИ ВЕЛИКОГО ПОЕТА
НИМ УВІНЧАННЯМ ПРЕМІЄЮ ІМЕНІ
ПОЕЗІІ ВАШІЙ УЖЕ ДАНО БЕЗСМЕР
ЕЛЬНИЙ- 1

Херсон, обласна газета

Вадим Кудрявцев

Телеграмма

«ЛитРес: Самиздат»

2006

Кудрявцев В. З.

Телеграмма / В. З. Кудрявцев — «ЛитРес: Самиздат», 2006

Писать аннотацию к рассказу, равно как и читать ее - губить замысел.
Начните читать, не понравится - процесс можно прервать. Отсутствие эпатажа гарантируется!

Меня разбудил дверной звонок. Я встал с дивана, подошел к двери и посмотрел в глазок. Сквозь карикатурно искажающую линзу глазка я увидел женщину средних лет, просто одетую, смотрящую куда-то вбок, как будто совсем не она звонила, и я случайно увидел ее на лестничной площадке.

– Кто? – не отрываясь от глазка, спросил я.

– Вам телеграмма, – довольно громко сказала женщина с лестничной площадки, повернув лицо к двери.

Я открыл дверь. Вид человека в трусах, майке и тапочках несколько не удивил почтальона. Видно, это достаточно распространенное явление.

– Это пятнадцатая квартира?

– Да, – я несколько растерялся от такого вопроса, ведь на двери висел только один номер, четко выведенный на пластмассовом ромбике.

– Вам телеграмма, распишитесь.

Она протянула мне ручку, раскрыла какую-то тетрадь и показала пальцем место, где я должен был расписаться. Я расписался. Она вручила мне телеграмму.

– Всего хорошего, – дежурным тоном сказала женщина. Она положила тетрадь и ручку в сумку.

– А откуда телеграмма-то? – спросил я, рассматривая белый почтовый бланк с наклеенными на него желтоватыми полосками.

– Посмотрите, там все написано. Кажется, из Владивостока.

– Из Владивостока?! – женщина уже спустилась на пару лестничных пролетов, так что мне ее даже не было видно, слышны были только шаги. Так что последнее мое восклицание повисло в воздухе, не будучи ни к кому обращенным.

Я закрыл дверь и снова посмотрел на телеграмму. Владивосток. Кто бы нам мог писать оттуда?

– Кто это был, Сережа? – спросила мама, выходя из кухни и вытирая руки о фартук.

– Принесли телеграмму. Из Владивостока, представляешь?!

– Это они, наверно, опять перепутали. Я им уже сто раз говорила. Пишут семерку, как единицу, и несут нам корреспонденцию 47-го дома. Это ж надо, сколько можно им говорить... Оденься, пожалуйста, и отнеси в 47-ой дом. Телеграмма, мало ли, может что-то важное и срочное.

– А мы сейчас прочитаем, важное это или нет.

– Сережа, как тебе не стыдно. Читать чужие письма просто неэтично, – мама укоризненно посмотрела на меня.

Но я уже пристально рассматривал телеграмму. С первого же взгляда стало ясно, что телеграмма необычная. Во-первых, такое количество текста в телеграмме я видел впервые. То есть привычным видом телеграммы я всегда считал несколько криво наклеенных желтоватых полос, несущих скудную, но ключевую информацию. Типа, «ПРИЛЕТАЮ ЗАВТРА ДОМОДЕДОВО ТЧК СЕРГЕЙ ТЧК» или «ПОЗДРАВЛЯЕМ ДНЕМ РОЖДЕНИЯ ТЧК СЧАСТЬЯ ЗПТ ЗДОРОВЬЯ ТЧК МАКАРОВЫ». А здесь, всё было заклеено полосками с текстом. Во-вторых, неординарным было то, что в тексте присутствовали предлоги и местоимения, которые в обычных телеграммах всегда пропускают. А присмотревшись повнимательнее, я уловил рифмы. Это были стихи. Конечно, они не были привычно расположены в столбик, как в каком-нибудь поэтическом сборнике, но в них явно угадывались ритм и рифма.

– Мам, представляешь, телеграмма в стихах. Хочешь, прочту?

– Сережа, я же просила, отнеси эту телеграмму. Как тебе не стыдно? Неужели тебе так интересны случайные подробности чужой жизни, пусть даже в стихах...

Она не успела договорить, потому что я начал читать. Выглядело на бумаге это довольно непривычно, поэтому я пару раз останавливался, сбиваясь с поэтического ритма, и перечитывал последнюю строку. А выглядело на бумаге это вот как:

КУДА Б ДОРОГИ НИ ВЕЛИ ИЗВИЛИСТЫЙ СВОЙ ПУТЬ ЗПТ КУДА
Б НИ ПЛЫЛИ КОРАБЛИ ЗПТ ТОПИТЬ ИЛИ ТОНУТЬ ЗПТ И ЧТО Б
НИ ВЫТКАНО СУДЬБОЙ НА СЕРОЙ ТКАНИ ЛЕТ ЗПТ НЕЗРИМО
БУДУ Я С ТОБОЙ ЗПТ СО МНОЙ ТЫ ИЛИ НЕТ ТЧК

– А ведь неплохо, правда!? – я ухмыльнулся и поднял глаза на маму.

Мама стояла, облокотившись на вешалку в коридоре, бледная, как молоко, закрыв глаза, тяжело дыша и держась рукой в области сердца.

– Что с тобой? Тебе плохо? – честно говоря, я растерялся от такой резко произошедшей перемены.

– Ничего, ничего. Сейчас пройдет...

Прошло минут десять, а мама так и сидела в коридоре на принесенной мной из кухни табуретке, держалась за сердце, приговаривая: «Ничего, ничего. Сейчас пройдет. Не волнуйся». Я сидел рядом на стеллаже для обуви и решительно ничего не мог понять. Точнее почти ничего. Единственное, что мне было очевидным, что телеграмму доставили все же «по адресу». Но чтобы какая-то телеграмма, точнее какие-то два четверостишья вызвали у моей матери такую реакцию – еще 20 минут назад трудно было представить...

Корвалол все-таки помог. Разведенный почти пополам с водой и распространивший специфический свой запах на весь коридор он почти снял сердечную боль моей внезапно расчувствовавшейся мамы.

– Сережа, не нужно куда-то носить эту телеграмму. Это нам.

– Знаешь, я догадался, – ухмыльнулся я, – теперь жду объяснений. Я знаю, что ты пламенно любишь поэзию, но чтобы довести себя до предынфарктного состояния от телеграммного четверостишья... И это, в общем, не Пастернак...

– Нет, это не Пастернак... Это Куприянов. Пойдем на кухню, я тебе все объясню. Наш коридор не располагает к длительному рассказу.

– Мы познакомились, когда мне было шестнадцать... кажется, шестнадцать... На танцплощадке. Я очень любила танцплощадки. Танцевала я так себе, но поход на танцплощадку был для меня, как праздник. Мне нравились всё: небольшой усталый оркестр, красиво одетые мужчины и женщины, (ведь на танцы надевали если и не самое лучшее, то, как минимум, праздничное), кружащиеся в танце пары, расстроенные девушки, стоящие по над стенкой, желающие выглядеть развязными перед приятелями парни... Даже драки добавляли какой-то романтики всему происходящему, хотя, конечно, вслух я их всегда осуждала. Так вот. В один из летних вечеров мы с подружками Ниночкой Шевяковой (помнишь, она приезжала лет пять назад с внуком?) и Леной... Леной... Как же ее фамилия... Тьфу ты черт, проклятый склероз. Ну, не важно, пошли мы как-то на танцы. В общем, все как обычно. И там, на танцах, мы увидели двух курсантов из мореходки, и одного из них откуда-то знала Ниночка. Конечно то, что они были курсантами мореходки, я узнала от Ниночки, я-то в военной форме ничего не понимала, да и сейчас ничего не понимаю. Одним словом, подруга подозвала их. Знакомый моей подруги был невысокого роста плотный парень, который все время что-то рассказывал, жестикулировал и сам первым смеялся над своими шутками. Его спутник был повыше и поуже в плечах. Весь вечер он молчал, танцевать не ходил, и было видно, что его сюда просто уго-

ворили придти, наверно под предлогом возможности быстрого и легкого знакомства с какой-нибудь девушкой. Очевидно, ему очень не нравилось все происходящее и он просто, как говорят, «отбывал номер». Он то смотрел в пол и курил, то смотрел на меня, причем, как только я обращала на него внимание, он отводил взгляд. Меня этот парень ничем не заинтересовал, поэтому и воспринимался как часть танцплощадной, если так можно сказать, декорации. Мы весь вечер танцевали, невысокий морячок все время что-то рассказывал и смеялся. Ниночка смеялась вместе с ним, но я даже не вникала, о чем они там разговаривали. Я всецело наслаждалась происходящим, и смех моей подружки, жестикуляция одного морячка и постоянное молчание другого воспринимались мной как просто некие фрагменты одного массивного и завораживающего полотна. Н-да, для разговора на кухне о танцплощадке предложение получилось слишком уж высокопарным (мама улыбнулась). Как и все хорошее, танцы закончились, и люди стали расходиться по аллеям парка, в котором собственно все и происходило. Наши новые знакомые вызвались проводить нас, точнее вызвался проводить нас, конечно, знакомый Ниночки, а его товарищ просто покорно шел рядом и молчал. Мы вышли из парка, и говорливый морячок предложил еще погулять. Мои подружки согласились, а я сказала, что устала и пойду домой. Они втроем еще долго меня уговаривали, но, поняв, что бесполезно, начали прощаться. И тут промолчавший весь вечер парень вдруг вызвался провожать меня. Это было, пожалуй, первое, что я услышала от него в этот вечер. Я прикинула, что возвращение домой в сопровождении парня все лучше, чем возвращение вечером одной, и поэтому приняла предложение. Мы пошли. Я спросила, как его зовут, прикинувшись, что не расслышала на танцах. Он сказал, что его зовут Сашей, и предложил пойти пешком, даже не спросив, в какую сторону мы идем. В общем, мы долго шли и разговаривали. Саша уже не казался, молчуном, наоборот, он оказался довольно интересным собеседником. Вот так мы и познакомились... Как-то я очень подробно все описала, тебе, наверно, не интересно... (мама на секунду задумалась и после некоторой паузы продолжила) Удивительно, но я помню все до мелочей, как будто все было вчера. А что было вчера не помню... Н-да, это склероз... Так вот. Он, узнав, где я живу, начал меня буквально подкарауливать перед домом, ждал меня часами, пока я ни приду из школы. Потом разведал, где я учусь, и ждал возле школы. Когда он сам учился, я не пойму?! Девчонки из класса смеялись и завидовали одновременно. А как же: парень, как нам тогда казалось, значительно старше, еще и в военной форме... Как тут ни завидовать... Наши сверстники еще совсем дети, а тут уже взрослый, аж 20 лет... Сейчас смех, конечно, но тогда мне это очень льстило... В общем, мы гуляли, болтали, ели мороженое в парке, ходили в кино... Потом как-то случилось, что я познакомилась с его родителями. И он им сразу очень понравился. Он был такой, как тогда говорили, «положительный». Моим родителям он нравился гораздо больше, чем мне, и, как я теперь понимаю, они были совсем не против, чтобы мы поженились. Родители стали приглашать его к нам домой, и Саша становилось все больше и больше в жизни нашей семьи, и оттого мне все больше и больше казалось, что меня сковывают, привязывают к себе... Он писал стихи и как-то написал пару четверостиший моей маме на день рождения. Потом помог папе привезти картошку с рынка. Короче, родители были сражены и подкуплены. Он действительно был неплохой, и, как я теперь понимаю, совсем даже неплохой. Он был вежлив, учтив, умен и покладист. И еще он очень любил меня. Сначала меня это забавляло, а потом стало раздражать и чем дальше, тем больше. Ведь мне он даже не нравился, я к нему относилась, как к приятелю, и его настойчивое общество порой выводило меня из себя. А если разобраться, то меня бесила в нем всего одна черта. Одна. Но эта черта меня очень сильно раздражала. Это раздражающая черта – серьезность. Не смейся, да-да серьезность. Он был серьезен и рассудочен. А мне было 16 лет и меньше всего в жизни тогда мне хотелось быть серьезной. Или даже быть в обществе серьезных. Ведь, наверно, поэтому подростки и не любят находиться в компании людей много старше, которые обычно заводят разговоры на такие скучные и блеклые темы как быт, политика, дети... Вот ты смеешься, а вспомни себя, не

таким разве был? Казалось, что жизнь беззаботна и легка. А то, что все так трудно живут – так ведь война только недавно закончилась, вот и трудности, а вообще – жизнь легка и беззаботна. Одним словом, я стала избегать, как могла, его общества. Бывало, прихожу домой, а родители мне с укором сообщают, что Саша просидел весь вечер, прождал, был напоен чаем и в итоге отправлен домой «так как уже было поздно». Дальше обязательно следовала фраза типа «Что ж ты парня-то мучаешь» или «В кого ж ты такая жестокая»... В общем, родители в данном вопросе были явно не на моей стороне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.